

Я не знала своих дедов. Ни одного, ни другого. В старом, покореженном времени альбоме с корочками из коричневого дерматина лежат две фотографии. На мутно-сером фоне одной из них едва различается сухопарое лицо светловолосого мужика, в фуражке, под которой слегка видна повязка. Это была единственная фотография папкиного отца — Тимофея Капустина. «Переснятая карточка. Он тут и не шибко похожий», — сокрушается мой отец. На второй совсем молоденькая женщина и мужчина лет около тридцати. Между ними, прижимаясь к женщине, стоит девочка. Это — мои бабушка Евгенья и дед Петя, которого я тоже не знала. А девочка — моя тетя Нюра. Она еще видела своего отца. Когда родилась моя мама, ее отец был уже на войне. А вернуться не пришлось.

В памяти тети Нюры сохранились руки, глаза отца и глаза ее матери, когда та увидела, как по улице идет мальчик — посыльный. Митька уже умел читать и поэтому разносил по деревне почту. Но больше — похоронки. Маленькая Нюрка видела, как мать бросилась к двери, и стала выталкивать испуганного пацаненка прочь, приговаривая: «Зачем? Зачем суды? Уйди ты, Христа ради...». Потом неловко повалилась на крыльце, придерживая рукой большой уже живот. А в доме, рванув на груди ставший вдруг тесным сарафан, кулем повалилась на пол бабка Матрена, мать Петра.

Выскочивший из избы дед Елисей строго взглянул на парнишку, взял из его рук казенный конверт и, затвердев лицом, даже бровями и бородой, такими тёплыми и пушистыми до этого, прижал к себе одной рукой Нюрку, второй — хватающую ртом воздух невестку, повел их с крыльца в дом. Усадив обеих на лавку в кути, негнуцимися пальцами стал курочить сложенный прямоугольник, будто не прочесть его хотел, а сломать и осколки выбросить, чтоб, не дай Бог, не поранились об них ничьи ноги и глаза, особенно — невесткины, ведь парнишку вроде ждала. Первая-то, девка, вон уж всё понимает.

...Письмо, хоть и мягкое и не сразу открытое, сообщало, что красноармеец Коналов Петр Иванович пал смертью храбрых в боях за станцию Пухово Лискинского района Воронежской области.

Менялись области и названия населенных пунктов, приходили конверты с названиями, которые сроду и не слышали здесь. И конверты приносили в маленькую деревеньку на берегу Ингоды одно и то же — смерть, смерть. Тетка Дарья, соседка через дорогу, проводила на войну сначала мужа своего, Афанасия, а маленько погода забрали и сына, молодого Афоньку, только-только зачерневшего усами под орлиным носом. Года не прошло — пришла похоронка на старшего, а потом и младшего Афанасия. И, подпоясавшись ремнем через фуфайку, ушла на фронт и молодуха, которую перед самой войной успел привести в дом Афанасий-младший. Тетка Дарья металась между колхозными полями и домом, где на полатях и печке сидели-мостились Настя, Катюха, Ариша, Нюра и Маша. Полученный в колхозе ковшик баланды, прикрыв дерюжкой, бегом несла домой, голодным девочатам.

Дед Елисей, как и все старики, промышлял в лесу — мясо на фронт добывал. Дома какая-никакая мясина водилась, а у Дарьи совсем худо было. Бабка Матрена, спрятав под фартук чугунок с варевом, бежала через дорогу, к Дарьиным ребятишкам, куда порой с утра убегала старшая внучка, Нюрка. Нюрка дома вредничала, не ела, а у «дарчат» нахваливала картошку и похлебку: у них, мол, вкусно. Это уж потом подросла да узнала, что бабка Матрена тайком волочила чугунок с картошкой отощавшей Дарье и ее девчаткам из своего же дома.

Чуть не в каждом доме была беда. Марина Страмилова проводила на фронт своего Михаила, а дома остались пятеро детей. Михаил погиб. Александра Капустина (моя бабушка), проводив на фронт Тимофея, осталась с детьми — Сергеем, Матвеем, Севостьяном, Иваном, Анной, Паной. Сергей, как взрослый, уже в войну начал работать, пас быков, помогал бабам на пахоте, на покосе. Матвея в конце войны забрали на фронт, Бог миловал — вернулся. Хоть и раненый весь. А сам Тимофей погиб в 1942 году. Всех ребятишек выходила, вырастила Александра Максимовна.

Как их мамам удалось поднять, а им вырасти, рассказ особый. В музее, на встрече ветеранов труда и войны фронтовики за столом вспоминали бои, рассказывали, как воевали. Карп Николаевич внимательно слушал их, а потом встал и негромко сказал: «Вы вот рассказываете, как вы воевали. А знали б вы, как мы тут работали»... Да больше и сказать ничего не смог, и как-то неловко сел, а слезинка непрошенная скользнула из уголка глаза к уголку рта.

«Из детей войны сегодня осталось в деревне только трое — рассказывает он мне. — Я, Антон Нагаев да Агафья. Остальные уж померли. А мы в 12-13 лет становились на работу уже наравне со взрослыми, скот обихаживали, молотили. Как вспомню, что пережить пришлось... В семье нас пятеро было — три девчонки да два пацана к началу войны. Отца в 1939 и в 1940 году дважды брали на переподготовку по семь месяцев. А с начала войны его призвали на фронт. Был он уж в годах, с 1902 года рождения, а мама с 1900 года. Самая маленькая, Катя, у нас была с 1938 года, Зина с 1924, я с 1930, да еще сестра с 1927 года. С 1942 года я пошел «бычничать» и конюшить со скотом. Пасли до зимы. А три бабы наших, Бородиниха, Хочиха и мама моя, Прасковья, пасли овец. И вот к зиме, по холоду уже, бараны зашли на забереги озера, попить воды, да под лед несколько овец ушло! И их, всех троих, не посмотрев, что мужики их на фронте, посадили в тюрьму. Мы, пятеро детей, остались одни. Старшие сестры Зина и Аниска решились отдать нас в детдом — дедов со стороны отца не было, со стороны матери бабушка была одна, да уж старенькая. Посадили нас на две подводы — меня, Катю и Мишку на одну, а бородинских ребятишек на другую, и повезли в детдом в Улеты. Везли нас тетка Евгения да сестра моя, Зина. Ехали двое суток. В бору возле Гореки потеряли Ваньку Бородина ночью. Хватились, а его нет на телеге! Вернулись да искать его в бору, хорошо ночь светлая да месячная была. Нашли, дальше поехали. Под Доронинском заночевали, утром снова двинулись. В Улетах сдали нас в детдом за Ингодой. Мне там не понравилось. Кормили худо, мы всё картофельные очистки на помойке собирали, а директор детдома, Валентина Михайловна, нас гоняла оттуда палкой. Я маленько погодя оттуда убежал в Улеты. Меня в милицию там отдали да обратно в детдом! Я думаю, всё одно домой сбегу! Сбежал второй раз по Ингоде. Холодно, осень поздняя наверно была или зима, по льду так и бежал. Я добежал до Арты, нашел там отцову сестру. Побыл несколько дней. Она запрягла коня и увезла меня в Дешулан. И снова стал ходить за скотом и слесарничать —

где ведро запаю, где кружку, где налажу швейную машинку бабам. Летом 1943 года все бабы пахали на быках, а я уже в кузне ремонтировал им лемеха — стал совсем мужик, помощник. Лес готовили, сплавливали, бабы его по покатам на яр подымают, рукавицы да обутки в клочья порвут, я по полночи зашиваю потом сiju. Обутки рвали, да жилушки все себе!

В июле 44 года мы получили на отца похоронку. Мама всё еще была в тюрьме. Нужда была страшная! Все, что выращивали, сдавали для фронта, для победы — порой подчистую. Весной на станции Ингода брали семена на посев. Трудоспособных еще облагали налогом: 30 литров молока, 30 яиц, 46 килограммов мяса в год полагалось сдать. Не сдашь, придут и опишут, сколь раз и корову уводили. Корова если одна в семье — свинью из засадки заберут и увезут. В семье Цыпыловых двое детей умерло с голоду — не смогли спасти. А мы выжили, наверно, за счет крапивы... Весной её начинаем готовить, засушим, на вышку натаскаем, да потом едим зимой. Картошка гнила почему-то, не успевали видать её до холодов выкопать. Гуси, бывало, летят, а мы всё её копаем, холодно уж всюю».

Баланду с колхозного ковшика, норму — две кружки чумизы или кукурузы, да чугунок бабки Матрены эти военные ребятишки помнят и по сей день. В 1977 году Карп Николаевич съездил в Литву — на братскую могилу, в которой похоронен его отец, погибший в боях возле реки Неман у города Алитус. Бережно замотаны в целлофан фотографии с той поездки, где изображен памятник, плиты с выбитыми фамилиями, среди которых и его капустинская фамилия.

А мои мама и тетка фотографию могилочки отцовской увидели только в 2011 году — в интернете школьники показали. Сколько себя помню, мечтали они побывать на месте братской могилы, где похоронен дешуланский солдат Коновалов Петр Иванович, да не пришлось. Обида в сердцах осталась. Как соберутся втроём, обида выходит наружу со ставшими теперь частыми непрошенными слезами.

— В душу нам обеим плюют с этими домами для вдов, — ни та, ни другая не могут говорить и начинают, влажнея глазами, отводить их в сторону, чтоб друг друга не расстроить еще больше. — Вдова — это тетка Дарья. Она пятерых девчат одна подняла. Баба Шура наша — шестерых вырастила, когда деда Тимоху убили. Карпухина матка ни за чё отсидела, ребятишек потом растила одна. А шас разве вдовы? С чего они вдовы? Некоторые моложе нас! Не ждали его, в окошки не заглядывали. Ковшик баланды на пятерых не делили. Брюхо в лесу не рвали, когда валили лес да накатом на яр поднимали... Вышла замуж за живого фронтовика, с ним детей родила, с ним растила! С чего она сейчас вдова? Хошь бы для смеху сказали нам: «Вот вам билеты в оба конца. Съездите, батьку поглядите»... — не договорив, обе начинают скомканными концами платков вытирать слёзы...

Я знаю, что в области есть даже 36-летняя вдова участника войны, но не стану им об этом говорить. Расплачутся...